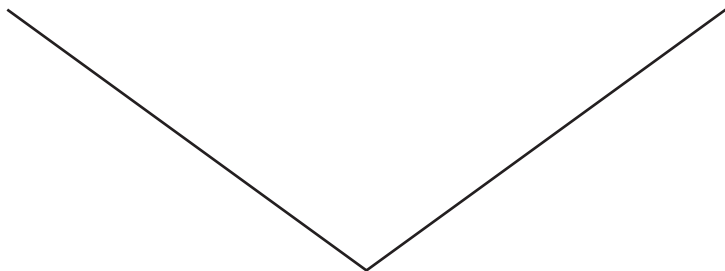

Дебютная постановка

Александра Маринина

Яндекс Книги × ЭКСМО

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *Екатерины Сагитовой*

Маринина, Александра.
М26 Дебютная постановка / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2026. — 704 с. — (100 из 100).

ISBN 978-5-04-232438-3

Ошеломительная история о том, как в далекие советские годы был убит знаменитый певец, любимчик самого Брежнева, и на что пришлось пойти следователям, чтобы сохранить свои должности.

1966 год. В качестве подставки убийца выбрал черную, отливающую аспидным лаком крышку рояля. Расставил на ней тринадцать блюдец и на них уже — горящие свечи. Внимательно осмотрел кушетку, на которой лежал мертвец, убрал со столика опустошенные коробочки из-под снотворного. Остался последний штрих, вишенка на торте... Убийца аккуратно положил на грудь певца фотографию женщины и полосу бумаги с короткой фразой, написанной печатными буквами.

Полвека спустя этим делом увлекся молодой журналист Петр Кравченко. Легендарная Анастасия Каменская, оперативник в отставке, помогает ему установить контакты с людьми, причастными к тем давним событиям и способным раскрыть мрачные секреты прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-232438-3

© Алексеева М.А., 2023
© ООО «Яндекс Музыка», иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Июнь 1966 года

Место преступления

Бардак. Сразу понятно, что здесь недавно закончилась бурная вечеринка. Тарелки с остатками еды, стаканы, бокалы и рюмки, на столе недопитые бутылки, на полу вдоль стен — пустые. Пепельницы с горами окурков.

Конечно, все это свинство портит идеальную картину, но не затевать же уборку в чужом доме...

Ничего, для своей цели он использует кабинетный рояль, гладкая крышка которого даже в темноте светится, отражая проникающий из открытого окна лунный свет. Рояль — это святое, даже самые пьяные и разнузданные гости знают: хозяин не допустит, чтобы на инструмент поставили чашку или любой другой посторонний предмет. На рояле могут лежать только ноты.

В поселке частенько случаются перебои с электричеством, и керосиновые лампы или запас свечей имеются в любом доме. Для этих хозяев керосин — слишком вульгарно, зато свечи они любят зажигать по всякому поводу, значит, их должно быть много. Все верно, вот они, в ящике на веранде. Чистые блюдца нашлись в тяжеловесном резном старинном буфете. Сервиз на двадцать четыре персоны. Ну, так много ему не требуется, вполне хватит тринадцати. Чертова дюжина — как раз то, что нужно.

Расположить затейливой линией на крышке рояля, на каждое поставить зажженную свечу, предварительно подтопив воск в нижней части, чтобы крепче держалась. Свечи толстые, устойчивые сами по себе, но для надежности не помешает подстраховаться, а то упадет — и пожар может вспыхнуть, а это в план не входит.

Владилен лежит на удобной кушетке, расположенной в углу просторной комнаты, между роялем и стеной. Рядом, у изголовья, столик на изящных гнутых ножках, на инкрустированной овальной столешнице пустая бутылка из-под водки и две упаковки таблеток. Упаковки тоже пустые, а таблетки — импортное снотворное. Или не снотворное? Кто их разберет, эти заграничные лекарства... Может, чистый наркотик или еще что-то ядовитое, но убивает действительно быстро, если в больших дозах да под водочку. Пустые коробочки с надписью на чужом языке убрать, выбросить в мусорное ведро.

На грудь, широкую и массивную, положить фотографию. Сверху, строго по диагонали черно-белого прямоугольного снимка, поместить узенькую полоску бумаги с короткой надписью, сделанной печатными буквами.

Окинуть глазами сцену. Кажется, все идеально. Безупречно.

Прощай, Владилен Семенович. Покойся с миром.

Октябрь 2021 года

Петр Кравченко

Очутившись на улице, Петр моментально сорвал с лица маску и принялся стягивать с рук перчатки. Черт бы побрал этот коронавирус и все пандемийные ограничения, вместе взятые! Ну сколько можно! Полтора года уже люди мучаются, запуганные и задержанные бесконечным потоком устрашающих цифр заболеваемости и смертности, полтора года всяческих ограничений, теперь вот вакцинацию требуют, без сертификата или кьюар-кода, свидетельствующих о том, что ты сделал прививку, во многие учреждения просто не пускают. В опасность ковида Петр не очень-то верил и заболеть не боялся, так что будь его воля — на пушечный выстрел не подошел бы к месту, где делают прививки, но работа есть работа. А работа требовала посещения самых разных мест, где трудятся или обитают самые разные люди. Даже если статус «привитого» не требовался для входа, велик риск нарваться на отказ разговаривать с потенциальным носителем заразы. Собственно, именно такой отказ и сподвиг молодого журналиста и писателя Петра Кравченко забыть о собственном ковид-диссидентстве и все-таки пойти и вакцинироваться. Месяц назад он пришел к матери полицейского, убитого в 2018 году, что-

бы поговорить, задать ряд вопросов, предварительно получил по телефону ее согласие на визит и беседу, однако когда явился в назначенное время — услышал из-за запертой двери квартиры непреклонное требование показать в глазок сертификат о прививке.

— Без прививки я вас не впущу, — твердо заявила женщина. — Мне жить еще не надоело.

В тот раз Петру пришлось уйти несолоно хлебавши. Через пару часов, когда растерянность прошла, а злость утихла, он снова позвонил ей по телефону и договорился об интервью по скайпу. Ничего сложного, скайпом после марта 2020 года владели практически все, даже очень пожилые люди. В принципе материал при таких раскладах можно собирать не выходя из дома, но Петр предпочитал разговоры живые, настоящие, реальные. Бог его знает почему.

Пришлось наступить себе на горло и сделать прививку. Первый укол, потом пауза в три недели и второй укол, после которого ты получаешь заветное свидетельство того, что... А, собственно, чего? О чем свидетельствует сертификат или получаемый от Госуслуг код? О том, что ты не болен и не можешь никого заразить? Конечно же, нет. Новая малоизученная вакцина пока еще плохо проверена и вообще ничего такого не гарантирует. Если ею привиться, то «может быть, риск подцепить вирус ковид-19 станет несколько ниже», только и всего. Именно что «может быть» и «риск заразиться несколько ниже». Но и это не точно. Так зачем же всякие учреждения и организации так оголтело требуют, чтобы ты был непременно привит, иначе внутрь не впускают? Смысл в чем?

Петр сердился и негодовал, постоянно изливая свое возмущение девушке, вместе с которой приехал в Москву, чтобы собирать материал для новой книги о со-

трудниках правоохранительных органов, погибших при исполнении служебных обязанностей. Но злись не злись, а мир не перевернешь и свои порядки не установишь. Зато сегодня он получил вторую дозу вакцины, и уже через час на его телефон придет заветный кьюар-код, при помощи которого будут открываться многие двери, ранее закрывавшиеся прямо перед носом. А это совсем не лишнее, учитывая, что в три часа дня ему нужно быть у очень и очень немолодого человека, который давно уже перешагнул порог «шестьдесят пять плюс» и считался в условиях пандемии представителем группы повышенного риска. Мало ли какие тараканы в голове у старика, а терять такого собеседника Петру очень не хотелось.

* * *

На звонок домофона ответил мелодичный женский голос, а когда Петр поднялся на второй этаж, дверь ему открыла миловидная моложавая дама, об истинном возрасте которой можно было догадываться (и то весьма приблизительно) только по отросшим седым корням крашенных волос. Стройная и подтянутая, женщина на первый взгляд казалась едва ли сорокалетней.

— Проходите, Николай Андреевич ждет вас, — пригласила она с улыбкой.

— Я привит, — сразу же сообщил Петр, хотя его об этом не спрашивали.

Женщина снова улыбнулась и кивнула:

— Любопытная примета времени, не находите? Сейчас первое, о чем люди говорят при встрече, это переболел ли, привился ли и какой уровень антител. Не волнуйтесь, дядя Коля у нас фаталист, он считает, что от судьбы не уйдешь и каждый человек так или иначе проживет ровно столько, сколько ему отмерено.

— Дядя Коля? — переспросил Петр чуть насмешливо: его позабавило такое панибратство.

— Я — племянница Николая Андреевича, — пояснила женщина, ничуть не смутившись. — Для меня он всю жизнь был дядей Колей.

Николай Андреевич Губанов, полковник милиции в отставке, плавно подбирался к завершению девятого десятка, но, несмотря на физическую немощь, сохранил ясный ум, во всяком случае, именно так показалось Петру при телефонном разговоре, и журналист очень рассчитывал на его воспоминания об убийстве следователя Садкова в 1981 году. Морщинистое лицо Губанова со слезящимися мутноватыми глазами в первый момент вызвало у Петра оторопь: «Совсем дряхлый. Ничего он не вспомнит и не расскажет. Зря я на него надеялся». Однако при первых же звуках его голоса, твердого и уверенного, опасения развеялись.

— Добрый день, юноша. Присаживайтесь. Петр, кажется?

— Да, — с облегчением выдохнул журналист. — Петр Кравченко.

— По телефону вы сказали, что хотите поговорить о гибели Садкова, я не ошибся?

— Не ошиблись.

— Поговорим, — кивнул Губанов. — Только сперва вы мне объясните, почему интересуетесь этой старой историей. Присаживайтесь, располагайтесь, разговор нам с вами предстоит долгий. Сейчас Светочка принесет нам чаю. Или вы предпочитаете кофе?

— Нет-нет, чаю выпью с удовольствием, — соврал Петр.

Чай он не особо любил, но перед самым визитом заскочил по дороге в кафе, пообедал и заполировал невкус-

ную еду двумя чашками эспрессо. Кофе в заведении оказался на диво крепким, и теперь сердце трепыхалось, как у перепуганного зайца.

Пока устраивался, доставал из сумки диктофон и блокнот, успел осмотреться и составить первое представление. Комната средних размеров, примерно пятнадцать — восемнадцать квадратов, светлая, с двумя большими окнами, мебелью не загромождена, но все необходимое имеется: книжный шкаф, диван, тумба с плазмой, прямоугольный стол с четырьмя стульями. И кожаное кресло с высокой спинкой, на темно-коричневом фоне которой ярко выделялась густая копна ослепительно-седых волос полковника в отставке, одетого в толстый свитер с объемным воротником, как у Хемингуэя на знаменитой фотографии. Колени прикрыты пледом, из-под которого виднеются домашние тапки, но Петр отчего-то был уверен, что между свитером и тапками надеты не старые заношенные треники, а приличные цивильные брюки, пусть и не первой молодости. Кругом идеальный порядок, ни пылинки, ни соринки. Интересно, кто-то постоянно наводит здесь чистоту или специально прибрались к приходу визитера?

— Вы живете один? — спросил Петр как бы между прочим, листая блокнот.

Губанов усмехнулся:

— Юноша, посмотрите на меня внимательно. Как, по-вашему, я могу справляться? Света, моя племянница, приходит каждый день. Она на удаленке, так что ночует у себя дома, а с утра до вечера здесь со своим ноутбуком.

— А потом? Что будет, когда пандемия закончится и удаленку отменят? У вас есть кто-то, кто будет вам помогать?

— Мне восемьдесят семь лет, молодой человек, так что до конца пандемии я вряд ли доживу. Ну а уж если бог пошлет дожить, тогда и буду думать.

Светлана принесла чай, вазочки с печеньем и еще чем-то сладким и неслышно удалилась. От дымящейся чашки исходил аромат земляники и апельсина. Губанов молчал, глядя куда-то поверх головы Петра, и журналисту показалось, что хозяин квартиры впал в спячку, совершенно позабыв, что перед ним сидит гость. «Какой же он старый, — подумал Петр. — Совсем-совсем старый. Напрасно я пришел, наверное». Может, и напрасно, но в архивы МВД, прокуратуры и суда его пока не пускают, заявления и разрешения рассматривают почему-то очень долго, и люди — его единственный источник информации. Дело сорокалетней давности — штука непростая, найти живых свидетелей, которые что-то знают и помнят, сложно. Если бы дело было только в убийстве 1981 года, проблема решалась бы куда проще, но ведь на самом деле всей истории на пятнадцать лет больше. И тем, кто еще жив, знает и помнит, уже больше восьмидесяти. Вот в этом-то вся засада и состоит.

Николай Андреевич молча пил чай мелкими глоточками, по-прежнему глядя в пространство, и Петр никак не мог решиться прервать молчание.

— Я жду, молодой человек. Так почему вас заинтересовало дело Садкова?

От неожиданности Петр вздрогнул и чуть не пролил горячий напиток себе на колени.

— Простите, — пробормотал он. — Мне показалось, вы задумались. Не хотел вам мешать. Дело в том, что я собираю материал для книги о сотрудниках правоохранительных органов, погибших в связи с исполнением служебных обязанностей.

— Да? Любопытно. И с чего вдруг вы решили взяться за такую тему?

От неожиданности Петр даже слегка поежился. Губанов был далеко не первым, с кем он встречался за последние два месяца, и каждому, у кого брал интервью, приходилось объяснять, с какой целью журналист задает свои вопросы. Реакция во всех без исключения случаях была примерно одинаковой: как это хорошо, как правильно, люди жертвуют жизнью во имя долга, давно пора отдать им дань уважения, а то нынче все сплошь критика и очернение. Короче, в таком духе. Намерение написать подобную книгу ни у кого не вызывало ни удивления, ни возражения. Никому даже в голову не приходило поинтересоваться: а с чего это вдруг?

Пришлось рассказывать о своей первой книге, написанной по материалам дела Андрея Сокольников, в невиновности которого Петр Кравченко был изначально абсолютно убежден и намеревался провести собственное журналистское расследование, чтобы доказать, что человек осужден несправедливо и отбывает срок ни за что.

— Я поддался влиянию общего потока информации о том, что начиная с девяностых годов правоохранительная система стала быстро терять профессионализм, расцвели коррупция и силовое предпринимательство, никто ничего толком не расследует, уголовные дела фальсифицируют. И мне показалось, что в деле Сокольников это проявилось так ярко, так несомненно... Но мне довольно быстро показали, что я ошибаюсь.

— Кто показал?

— Человек, который меня консультировал, помогал разобраться в материалах дела.

— И кто же вас консультировал?

Петр помялся. Вообще-то его не просили не называть имен, все было открыто и официально, и имя полковника милиции в отставке Анастасии Павловны Каменской указано в опубликованной книге в разделе «Благодарности». Но он все равно отчего-то колебался.

— Бывший сотрудник уголовного розыска, — промямлил он неуверенно.

Глубокие морщины на лице Губанова шевельнулись, складываясь в ироничную гримасу.

— Я ценю вашу деликатность, юноша, но хотелось бы услышать имя. Возможно, я знаю этого человека, а в мои годы всегда приятно услышать знакомое имя из прошлой жизни. Так кто вам помогал?

— Каменская Анастасия Павловна.

Повисла пауза, затем тонкие, почти неотличимые от морщин губы старика дрогнули в полуулыбке.

— Каменская... Лично не знал ее, но много слышал. Помнится, оформлял ей разрешение на преподавание в Высшей школе. Потом она диссертацию защитила без отрыва от работы в розыске, мы еще тогда удивлялись, как сил и времени хватило. Это ведь она, я не путаю?

— Она, — подтвердил Петр.

— Вы назвали ее бывшим сотрудником. Значит, ушла из розыска? Небось сыщицкий горький хлеб променяла на бизнес?

— Она ушла на пенсию. В смысле — в отставку, — поправился Петр. — Еще в десятом году, когда ей исполнилось пятьдесят.

Губанов со стуком поставил чашку на блюдец и откинулся на спинку кресла.

— Очень странное чувство появляется, когда узнаешь, что те, кого ты когда-то считал зеленым молодняком, уже давно на пенсии. Пенсионер, отставник, который мо-

ложе тебя на четверть века... Ужасно! Только в такие моменты и начинаешь понимать, как же долго ты живешь. Ладно, это все лирика. Так почему после того дела... как вы сказали? Соколова?

— Сокольникова, — быстро подсказал Петр.

— Да, Сокольникова. Почему после того дела вы решили обратиться к погибшим сотрудникам? Какая связь?

Петр вздохнул. Связь была очень простой и называлась «чувство вины». Даже не столько вины, сколько не ловкости за собственный юношеский максимализм и за доверчивость. Повелся на бесконечные разговоры о том, что правоохранительная система вся насквозь прогнила и состоит сплошь из одних халтурщиков и взяточников, взялся доказывать невиновность осужденного, не сомневался в успехе. А вышло все совсем иначе. Да, в работе по раскрытию и расследованию преступлений, в отправлении правосудия по уголовным делам много грязи, денег, личных интересов и самых низменных побуждений, это правда. Но есть и честность, и жертвенность, и подвиги, и это тоже правда. И пока молодой журналист работал над своей первой книгой, в нем созрело желание написать о тех, у кого борьба с преступностью забрала жизнь в буквальном смысле слова. О «плохих парнях» из милиции и полиции он написал множество статей, опубликованных в его родной Тюмени, пришла пора отдать дань и тем, кто погиб, выполняя свой служебный долг.

— Получается, вы начали с оголтелого охаивания системы, а теперь решили принести свои извинения? Или просто хотите продемонстрировать непредвзятость, дескать, и такие явления есть, и другие? — строго спросил Губанов, выслушав объяснения.

— Ну... да, примерно так. Я хочу, чтобы все было правильно. В деле Сокольников не было халтуры и подкупа, там были чисто ведомственные интересы, в результате которых произошло сокрытие доказательств. Именно поэтому материалы дела выглядели так странно и давали основания полагать, что там не все чисто. На это я и купился. Свои первоначальные подозрения я озвучил в книге, ничего не скрывая, а потом последовательно их опровергал. Но за эти подозрения мне неловко.

— Хорошо, — кивнул Николай Андреевич. — Будем считать, что я принял ваши аргументы. Что вам известно об убийстве Садкова?

— Очень немного. Только то, что он был убит в восемьдесят первом и это как-то связано с делом Астахова.

Губанов снова умолк надолго. Потом неожиданно спросил:

— Как сегодня на улице? Холодно? Ветрено?

— Нет, — удивленно ответил Петр. — Погода очень приятная, сухо, ветра нет. А что?

«Меняет тему, — с неудовольствием подумал он. — Не хочет рассказывать. Ну что ж, это не первая неудача и наверняка не последняя».

— Давайте-ка выйдем, прогуляемся.

— А разве... — невольно вырвалось у Петра, который тут же осекся и залился краской, одновременно ругая себя за бестактность и ненавидя за дурацкую особенность краснеть при малейшем волнении.

— Ноги пока неплохо держат, — с усмешкой ответил Губанов на незаданный вопрос, — а вот сосуды — дрянь, голова часто кружится, могу потерять равновесие. Со Светочкой не рискую выходить, если что — она мои девять килограммов не удержит, рухнет вместе со мной.

А вы, как я вижу, молодой, сильный, в хорошей форме, с вами не страшно.

Он оперся руками на подлокотники и медленно поднялся. Плед соскользнул на пол, и Петр убедился, что оказался прав в своих первоначальных предположениях: на полковнике надеты не заношенные спортивные штаны, а мешковатые старомодные брюки с заглаженными до бритвенной остроты стрелками. Похоже, племянница Светлана и впрямь старательно ухаживает за стареньким дядюшкой.

Ну что ж, гулять так гулять.

* * *

— Начинать, видимо, придется с самого начала. Как говорится, от печки, — проговорил Губанов, когда они, медленно прошагав минут пятнадцать по аллее, усыпанной опавшими желтыми и красными листьями, присели на лавочку: старик устал и хотел отдохнуть. Шагала Николай Андреевич не очень-то уверенно, то и дело опасно покачивался, и Петр каждую секунду готовился к тому, что его спутник начнет падать и нужно успеть его подхватить. Однако обошлось.

Едва усевшись на выкрашенную светло-голубой краской грязноватую скамейку, Петр тут же извлек из кармана и включил диктофон. «Надо было и блокнот прихватить, — с досадой подумал он. — Почему-то я решил, что мы будем все время ходить, так что блокнот не понадобится. Вот же остопоп я!»

— Вы хотя бы приблизительно представляете себе, какой была милиция в шестидесятые годы?

Вопрос был, разумеется, риторическим. Откуда Петру Кравченко знать? Это было так давно!

Следующие двадцать минут Николай Андреевич рассказывал о бесконечных слияниях и разделениях органов внутренних дел и госбезопасности, о переименованиях, о переводах из союзного управления в республиканское и обратно. Каждая такая перемена сопровождалась кадровыми перестановками, сокращениями или, наоборот, увеличением штатов. Одним словом, о стабильности в организации борьбы с преступностью можно было только мечтать.

— Как видите, в пятидесятые годы беспорядка было хоть отбавляй, но подробности я опущу, возьмем только шестидесятые, это поближе к тем событиям, которые вас интересуют, — мерно и неторопливо говорил Губанов. — Вот представьте: в январе шестидесятого Хрущев подписал постановление об упразднении МВД СССР. То есть министерства внутренних дел будут только в союзных республиках, а на уровне страны в целом — нет. Это сразу привело к ослаблению координации, нарушило обмен информацией, нормативное регулирование пошло вразнос, ведь каждая республика стремилась устанавливать собственные правила. Через полтора года в МВД РСФСР сменили министра, сняли Стаханова, назначили Тикунова. А что такое смена министра? Правильно, это смена всей команды. Каждый новый руководитель стремится подтянуть к себе поближе тех, кому может доверять, на кого может положиться или кому хочет оказать услугу, облагодетельствовать или отдать долг. Одних перевели или отправили на пенсию, других назначили. Еще через год, в середине шестидесят второго, Министерство внутренних дел преобразовали в Министерство охраны общественного порядка. В середине шестидесятого — новые перемены, теперь министерство стало союзно-республиканским, то есть в каждой ре-

спублике свое МООП плюс союзное. Двух месяцев не прошло — опять все меняется: МООП РСФСР упраздняют и его функции передают союзному министерству. За каких-то жалких шесть лет столько преобразований! Понятно, что систему лихорадило, люди буквально перелетали с должности на должность и даже не успевали сообщить, что им нужно делать в новом кресле, как их уже опять куда-то переводили. Но это только одна сторона вопроса.

— А какая другая сторона? — с любопытством спросил Петр.

Он даже не ожидал, что у МВД такая запутанная история. И если совсем честно, название «Министерство охраны общественного порядка» он слышал впервые. Неужели это и вправду было? Наверное, было, не станет же Губанов выдумывать, подобные факты проверяются за полторы секунды, спасибо «Гуглу».

Мимо них прошла элегантно одетая пожилая дама, ведя за руку девчушку лет пяти, прямо навстречу им мчался подросток на электросамокате. Судя по белым наушникам и отрешенному выражению лица, смотреть по сторонам ему было неинтересно. Петр на мгновение зажмурился от ужаса: ему показалось, что столкновения не избежать. Однако паренек ловко вильнул в сторону, а дама с девочкой, в свою очередь, испуганно шарахнулись, остановились и гневно посмотрели вслед юному спортсмену. Да уж, не погулять Николаю Андреевичу самостоятельно в нынешних условиях... Скейты, ролики, электросамокаты, курьеры на велосипедах. Особенно курьеры, бесившие Петра до потери самообладания: ездят на высокой скорости прямо по тротуарам, вперив при этом глаза в телефоны, ничего толком не видят вокруг себя, с пешеходами вообще

не считаются. Конечно, за последние полтора года курьерская доставка набрала обороты из-за ковида, число заказов увеличилось в разы, курьеры торопятся, маршруты смотрят в навигаторе, можно все это понять. Но нельзя не признать, что в нынешнее время старикам опасно гулять в одиночестве, особенно в сумерках и в темноте.

— Другая сторона состояла в качестве кадрового состава и уровне профессионализма, — продолжал между тем Губанов, который, кажется, даже не заметил едва не случившейся беды. — Как вы думаете, сколько людей с высшим образованием служило в МВД?

Петр мысленно прикинул: наверное, процентов во семьдесят — девяносто. Но если Губанов задает вопрос, то наверняка с подвохом. Значит, меньше.

— Пятьдесят? — проговорил он неуверенно.

Смех Николая Андреевича был громким и раскатистым.

— Юноша, вы большой оптимист! Какие пятьдесят, побойтесь бога! В середине шестидесятых высшее образование имели только двенадцать процентов начсостава, проще говоря — каждый восьмой. Причем это высшее образование далеко не всегда было именно юридическим. Юристов с высшим образованием насчитывалось вообще только девять процентов. Девять! Среднее юридическое образование имел один из пяти, и это мы говорим о начсоставе, об офицерах при должностях. А уж про рядовой и сержантский состав и говорить нечего, десятилетку окончил каждый десятый, остальные девять даже общего среднего образования не имели.

— Как же так? Ведь столько школ милиции было... Мне рассказывали, что в каждой республике была Выс-

шая школа, в РСФСР даже не одна, и в каждом крупном городе — средняя.

— Это все уже потом, при Щелокове, а в середине шестидесятых высших школ имелось всего четыре на всю огромную страну: в Москве, Киеве, Ташкенте и Омске. Все остальные школы были средними плюс всякие областные пункты подготовки и переподготовки. Одним словом, с квалифицированными кадрами в нашем министерстве был полный швах.

— Вы так точно помните все цифры, — недоверчиво заметил Петр.

— Это моя работа, — коротко ответил Губанов. Потом горько улыбнулся: — Бывшая работа. Нет, не так: это дело, которым я занимался не один десяток лет. Поэтому не удивляйтесь, что я много чего помню. Я совсем немножко поработал в уголовном розыске, а потом до самой пенсии сидел на аппаратной деятельности, сначала в кадрах, потом в управлении учебных заведений, потом эти службы объединили, сделали Главное управление кадров и учебных заведений, потом опять разъединили. Но я всегда занимался одной и той же проблемой: какими должны быть принципы комплектования личного состава и расстановки кадров и как организовать подготовку этих кадров. Ладно, я чувствую, что вам эти детали малоинтересны. Я-то могу часами говорить о кадровых проблемах, а вы поди ждете, когда же я до дела Астахова доберусь. Доберусь, не беспокойтесь. Но сперва я вам приведу только один пример, чтобы вы понимали, насколько непрофессионально могли сработать ребята из угрозыска в те годы. Просто чтобы вы ничему не удивлялись. Это произошло в конце шестидесятых в Красноярском крае. В проруби обнаружили труп подростка, мальчика-школьника. Опознали сразу, пошли к нему до-

мой — пусто, родителей нет. В сарае нашли труп матери, зверски убитой. Подозрение, естественно, сразу пало на отца, принялись искать его, нигде не нашли. Спустя какое-то время озаботились тем, чтобы получше изучить личность мальчика, снова осмотрели дом, порылись в его тетрадах, записках. Прошло еще несколько дней — и дом внезапно загорелся. Пожар потушили и среди рухнувших обломков обнаружили труп отца с веревкой на шее. Понимаете, что произошло? Отец тоже был убит, его тело висело на чердаке дома, а оперативники дважды дом осматривали и ничего не нашли. На чердак не заглянули. Дважды, юноша! И ведь речь не о дворце, в котором сто пятьдесят комнат и десятки потайных помещений, это самый обычный частный домишко в селе, пара комнат, чердак и надворная постройка в виде сарая. Как можно было не найти третий труп? Вот как?! Конечно, сначала стали говорить, мол, отец убил сына и жену, сбежал, потом раскаялся, вернулся домой и сам повесился уже после того, как опера второй раз дом осмотрели. Но судебно-медицинская экспертиза сделала совершенно однозначный вывод: человек не сам повесился, а был убит, причем давность наступления смерти точно такая же, как у мальчика и женщины. И никакие разговоры о том, что во время первых двух осмотров третьего трупа в доме не было, уже не проходили.

Звучало, конечно, чудовищно. Петру трудно было в такое поверить.

— Неужели правда?

— Если мне не верите — посмотрите документальный фильм об этом деле. Я не хочу сказать, что все сыщики в те времена так работали, это было бы неправдой. Но то, что были и такие сотрудники, которые на пятидесяти квадратных метрах не находили тело повешенного, тоже